
Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского

В. Н. ЗАХАРОВ

Вопрос, сколько будет дважды два, явно провокативен не только в ученом, но и в любом собрании. Каждый учившийся в начальной школе знает правила арифметики, помнит простые примеры из таблицы умножения, и если кто-то задает подобные вопросы, то делает это с явным подвохом.

Казалось бы, многие герои Достоевского согласны, что “дважды два четыре” – это закон, аксиома, истина. Зачастую эти слова становятся фразеологизмом: *ясно, как дважды два, верно, как дважды два*; герой *уверен, убежден, знает, он доказал, как дважды два*. Примечательно, однако, во всех подобных и многочисленных случаях, что герои знают не то, что дважды два четыре, а знают, “как дважды два”, знают, как таблицу умножения... Что знают, каждый должен догадаться сам... Арифметическое действие не завершено: задание сформулировано, но результат не выражен.

При всей очевидности ответ на этот вопрос смущает иных героев Достоевского. Признавая, что дважды два четыре, они менее всего склонны принять этот факт. Почему вопреки математической аксиоме они готовы отрицать очевидное и склонны утверждать: дважды два три или пять? Чем не устраивают их “законы математики”, “законы природы” и “здравый смысл”?

Ответ на эти вопросы подразумевает онтологический смысл споров героев Достоевского.

У Достоевского было неоднозначное отношение к философии. С одной стороны, он был начитан в философии, пробовал изучать их труды, читал их сочинения на разных языках, прежде всего на французском и отчасти на немецком, но рационалистическая философия и гносеология “чистого разума” не увлекали его. Он был критичен по отношению к философским школам нового времени. Они не удовлетворяли его. С другой стороны – потомки признали Достоевского и его героев философами.

Сам писатель не считал себя философом. Когда в журнальной критике необходимо было высказаться по философским вопросам, он доверял эту роль Страхову, но чем Страхов прославился в мировой философии?

Достоевский ценил начитанность Страхова в специальной философской литературе, но ему же первому досталась вся жесткая критика гением современной философии.

Так получилось, что именно Страхову пришлось отвечать перед Достоевским за всю ученую философию его времени.

Исключая подоплеку личных отношений. На эту тему много написано, в том числе и мной [Розенблюм 1971, 16–23; Волгин 1986, 176–186; Захаров 1978, 75–109 и др.]. Остановлюсь на арифметическом измерении их философских споров.

Странно, но, казалось бы, праздный вопрос, сколько будет дважды два, рассорил Достоевского и Страхова на всю жизнь.

В одну из прогулок во Флоренции в августе 1862 г. между Достоевским и Страховым произошло неожиданное объяснение по этому поводу: “...вы объявили мне с величайшим жаром, – вспоминал Страхов, – что есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь. Затем мы крепко пожали друг другу руку и расстались” [Страхов 1973, 560].

Внешне их спор выглядел как вздорная ссора по пустяку, но Достоевский выплеснул эту полемику на страницы “Записок из подполья”, а Страхов всю жизнь пытался разобраться в своей вине и оправдаться перед Достоевским, что и запечатлено в его цикле признаний и размышлений, или как назвал их сам автор, “наблюдений” [Страхов 1973, 560–564], к этой теме он обращался в литературной полемике с Достоевским в “Гражданине” 1875–1876 гг., возвращался в воспоминаниях о Достоевском [Страхов 1883, 169–329], в переписке с Л. Толстым [Толстой – Страхов 2003].

Вопрос, сколько будет дважды два, показал глубину расхождений в их убеждениях и просто их человеческую чуждость.

Страхов искренне недоумевал: за что? почему? – “вы защищаете решительно всех; вы приносите меня в жертву каждому” [Страхов 1973, 561]. Страхов не видел необходимости и не хотел понимать каждого, кто утверждал, что дважды два три или пять, на чем настаивал Достоевский.

Себя и многих других Страхов считал “ненавистником нелепостей” [Страхов 1973, 561] – Достоевский обличил стремление Страхова к очевидностям, банальностям здравого смысла.

Страхов искренне полагал, что у него есть “пристрастие к тому роду доказательств, который называется в логике непрямым доказательством или доведением до нелепости”. Достоевский критиковал: “Вы находили непростительным, что я часто приводил наши рассуждения к выводу, который простейшим образом можно выразить так: *но ведь нельзя же, чтобы дважды два не было*” [Страхов 1973, 560].

Страхов готов согласиться с Достоевским: “Против этой дурной привычки, в которой я чистосердечно сознаюсь, вы приводили мне сильные доводы. Вы говорили, что никто в мире не думает утверждать таких вещей, как *дважды два-три и дважды два-пять*, что я впадаю в чрезвычайно смешную наивность, воображая, что кто бы то ни было проповедует и защищает такие положения, что если и говорится что-нибудь подобное, то с моей стороны странно принимать это совершенно серьезно, так как очевидно люди, которые говорят *дважды два – не четыре*, вовсе не думают сказать именно это, а, без сомнения, разумеют и хотят выразить что-то другое” [Страхов 1973, 560].

Что это нечто *другое*, осталось неизреченной тайной в словах Страхова.

Страхов защищает свое право на “некоторую холодность, привычку к строгой и правильной мысли, отсутствие большого жара проповедовать” [Страхов 1973, 562].

Он готов признаться и признается:

“...я не верю ни в философию, ни в экономию, и вообще ни в одну сторону цивилизации, потому, что я не верю в *человека*: За человека страшно мне!” [Страхов 1973, 562]

Последние слова – цитата из русского перевода “Гамлета” Н.А. Полевым, их нет у Шекспира. Впервые эти слова русского Гамлета прозвучали в исполнении Павла Мочалова на премьере в начале 1837 года и сразу впечатлили критиков и поэтов (Белинского, Ивана Ключникова, Аполлона Григорьева и др.), но Страхов понимает откровение о человеке, выразить которое уже была готова русская литература, очень плоско – как прикровение Ноя, как прикровение павшего человека.

Он не верит в человека и обличает его.

«Разве хорош человек? Разве мы можем смело отвергать его гнусность? Едва ли! Каких бы мнений мы ни держались, когда дело идет об этом вопросе, в нас невольно отзвучат глубокие струны, с младенчества настроенные известным образом. Все мы воспитаны на Библии, все мы христиане, вольно или невольно, сознательно или бессознательно. Идеал прекрасного человека, указанный христианством, не умер и не может умереть в нашей душе; он навсегда сросся с нею. И потому, когда перед нами развернут картину современного человечества и спросят нас: хорош ли человек, мы найдем в себе тотчас решительный ответ: “Нет, гнусен до последней степени!”» [Страхов 1973, 562].

Для Страхова человек гнусен, для Достоевского грешен и может, как Митя Карамазов, повторяющий стихи Шиллера в русском переводе Жуковского, восстать “из низости душою”. Для Страхова это приговор человеку. Для Достоевского же сознание греха, гнусности, низости и есть начало восстановления человека в человека.

Для Страхова “спорить – уничительно” [Страхов 1973, 564], для Достоевского в споре торжествует стихия жизни и выявляется истина.

Так флорентийский спор 1862 г. и его последствия выглядят в изложении Страхова.

Достоевский вернулся к спору через полтора года в “Записках из подполья”. Философский подтекст и контекст повести изучен основательно, но не выявлена полемика Достоевского со Страховым. Именно ему адресованы многие упреки подпольного парадоксалиста.

Для подпольного парадоксалиста “дважды два четыре” – “законы природы, выводы естественных наук, математика”, “арифметика”. Герой подзадоривает читателя: “Попробуйте возразить” [Достоевский 2003–2005 VI, 13]. И не дожидаясь начала спора, сам опровергает арифметику: “Господи, Боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды-два четыре не нравятся?” [Достоевский 2003–2005 VI, 13]. Его аргумент: они почему-то ему не нравятся, в них нет его воли, свободы, цели, смысла жизни человека и человечества.

Парадоксалист признается: дважды два четыре – это “нелепость нелепостей” [Достоевский 2003–2005 VI, 13], “начало смерти” [Достоевский 2003–2005 VI, 13].

Его критика последовательна и бескомпромиссна: “... человек существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит только один процесс достижения цели, а не самую цель. И, кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человечество стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать – в самой жизни, а не собственно в цели, которая, разумеется, должна быть не иное что, как дважды два четыре, то есть формула, а ведь дважды два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мере человек всегда как-то боялся этого дважды-два четыре, а я и теперь боюсь. Положим человек только и делает, что отыскивает эти дважды-два четыре, океаны переплывает, жизнью жертвует в этом отыскании, но отыскать, действительно найти, – ей Богу, как-то боится. Ведь он чувствует, что как найдет, так уж нечего будет тогда отыскивать. Работники, кончив работу, по крайней мере, деньги получают, в кабачок пойдут, потом в часть попадут – ну вот и занятия на неделю. А человек куда пойдет? По крайней мере, каждый раз замечается в нем что-то неловкое при достижении подобных целей. Достижение он любит, а достигнуть уж и не совсем, и это, конечно, ужасно смешно. Одним словом, человек устроен комически; во всем этом очевидно заключается каламбур. Но дважды два четыре, – всё-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре, ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре, смотрит фертом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется. Я согласен, что дважды два четыре – превосходная вещь; но если уж всё хвалить, то и дважды два пять премилая иногда вещичка” [Достоевский 2003–2005 VI, 25].

Его вывод беспощаден: “Конец концов, господа: лучше ничего не делать! Лучше сознательная инерция! Итак, да здравствует подполье! Я хоть и сказал, что завидую нормальному человеку до последней желчи; но на таких условиях в каких я вижу его, не хочу им быть (хотя всё-таки не перестану ему завидовать. Нет, нет, подполье во всяком случае выгоднее)! Там по крайней мере можно... Эх! да ведь я и тут вру! Вру, потому что сам

знаю, как дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого никак не найду! К черту подполье!” [Достоевский 2003–2005 VI, 27].

В отношениях между людьми законы арифметики не властвуют, меж ними редко бывает, чтобы дважды два было четыре. С этой точки зрения выразительна характеристика одной из героинь повествователем: “Спорить с этой барыней было невозможно: дважды два для нее никогда ничего не значили” [Достоевский 2003–2005 VI, 343].

В 1876 г. Страхов вернулся к этому арифметическому спору в цикле статей “Три письма о спиритизме”, опубликованных в трех номерах “Гражданина” от 15, 22 и 29 ноября 1876 г. (№№ 41–42, 43, 44).

Цикл написан в обычной страховской манере: собственно общей критике спиритизма посвящена первая статья, в других статьях спиритизм – всего лишь повод высказать свое наиболее: во втором письме жалуется на то, что сам принадлежит к числу “затоптанных” и “скомпрометированных” современной критикой, в третьем письме Страхов возвращается к теме давнего спора с Достоевским.

Именно ему он задает свои риторические вопросы: “Верите ли вы в непреложность чистой математики? Убеждены ли вы в том, что эти и подобные истины справедливы всегда и везде, и что сам Бог, как говорили в старые времена, не мог бы сделать дважды два пять, не мог бы изменить ни одной из таких истин? Я убежден в этом, и полагаю, что и вы убеждены; так что, как ни любопытно и важно разъяснение того, на чем основано это убеждение, можно покамест отложить это разъяснение” [Страхов 1876, 1056].

Для Страхова, как ранее для Пифагора, числа правят миром. В доказательство этого убеждения критик и философ приводит примеры торжества арифметики и верности арифметических действий, которые он называет “математикой”. В опровержение невозможно (дважды два пять) он приводит разные примеры – фокусы и прodelки, которым, кто хочет, может верить; для него они, как спиритизм, неубедительны.

Страхов уверен: “мы в известных случаях можем точно различать *возможное от невозможного*” [Страхов 1876, 1059].

Страхов пытался смягчить гневные возражения Достоевского, приводя примеры относительных исключений из правил арифметики.

Один из примеров (с неизменной ссылкой на Гегеля): “Кошка съела мышку”, было два – стало одно существо. Объяснения и попытки Страхова дать эмпирическое толкование этой тайны природы и человека весьма комичны. Страхов готов допустить, что так бывает, что иногда жизнь преподносит неверные арифметические решения.

В это время Достоевский сам полемизировал со спиритами. На опус своего оппонента он откликнулся ироничной эпиграммой. Она незакончена, но во всех набросках есть сложившиеся стихи, которые неизменны в разных вариантах:

И уж пишет критик Страхов

В трех статьях о спиритизме

(Из которых две излишних)

Во всех набросках “спиритизм” рифмуется с одним словом – “ерундизм”, которому сопутствуют эпитеты “наш”, “всеобщий” [Достоевский 1971, 629; Исправлено по автографу: РГАЛИ. 212.1.16. С. 278].

Достоевский не увидел в многословной и неопределенной полемике Страхова со спиритами иной заботы, как “всё о гривенниках лишних”.

Подозрение Достоевского вряд ли справедливо, но некоторые особенности характера и литературного стиля приятелей в жизни и в быту раздражали каждого.

Страхов признавался, что к Достоевскому, человеку и писателю, “чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти” [Страхов 1973, 564].

Достоевский гневно и “неустанно” обличал и обнаруживал этот тип человека, который не холоден, не горяч, в творчестве и личных переживаниях.

В письме Ивану Сергеевичу Аксакову от 3 декабря 1880 г. Достоевский поделился своими впечатлениями о его газете “Русь”: “Впечатления и хороши, и дурны”. Достоев-

ский дал весьма своеобразную критику стиля передовых статей: “Ваши статьи очень твердо и целокупно (конкретно) написаны. Вы ставите чрезвычайно ясную мысль о земстве и понятную, как дважды два. Так как это отчасти самый корень дела, то вы конечно будете продолжать разяснять вашу мысль и в следующих нумерах, при всяком удобном случае. Так и надо” [Достоевский 2003–2005 XVI. Кн. 2, 251]. Достоевский допускает такую логику, но предупреждает: “Но не ожидайте – о, не ожидайте, – чтоб вас поняли. Нынче именно такое время и настроение в умах, что любят сложное, извилистое, проселочное и себе в каждом пункте противоречащее. Аксиома, вроде дважды два – четыре, покажется парадоксом, а извилистое и противоречивое – истиной” [Там же. Кн. 2, 251].

Достоевский категоричен: “Мертвец проповедует жизнь, и поверьте, что мертвеца-то и послушают, а вас нет” [Там же. Кн. 2, 251].

Его совет: “...продолжайте разяснять вашу мысль особенно на примерах и указаниях. Посеете зерно, – выростет дуб” [Там же. Кн. 2, 252].

В авторской стратегии Достоевский исходил из того, что писатель не должен ждать, что его поймут. Обращаясь к читателю, он созидал мир, в котором нелепость и абсурд нередко выражают сущее, бесспорное спорно, явное сокровенно, простое “мудрёно” и сложно, в противоречиях живет истина. В этом мире аксиома может стать парадоксом, а парадокс – истиной. В сравнении “как дважды два” результат оказывается и четыре, и “не четыре”, зачастую “пять”.

Как писатель, Достоевский отчетливо сознавал границы эвклидова мира, предчувствовал начала геометрии Лобачевского и теорию относительности Эйнштейна, ограниченность законов физики в сфере метафизики.

Начиная с романа “Бедные люди” Достоевский создал универсальную модель творчества, в которой авторский смысл “умышлен” [Топоров 1982, 128], сотворение художественного мира происходит по общему замыслу и плану, который может быть доступен живому читателю и явлен искусственному исследователю.

В этом мире ответ на вопрос, сколько будет дважды два, не арифметический, а поэтический, точнее поэтологический. Достоевскому было неинтересно убеждать читателя, что дважды два четыре, как того хотел Страхов, писали многие критики и писатели, в том числе и современники, объявленные еще при жизни классиками. Достоевский предпочитал интриговать читателя парадоксами, привлекать его внимание абсурдными суждениями.

В ответе на этот вопрос проявилась глубокая разность мировоззренческих и эстетических установок Страхова и Достоевского. Страхов откровенно высказывался Толстому по поводу своего неприятия Достоевского [Толстой – Страхов 2003 II, 502, 647, 652–654]. Комплиментарно примерно то же самое он выговаривал Достоевскому в их переписке, причем доведя свою мысль до окончательной формулировки: Достоевскому нужно “перестать быть Достоевским” [Страхов 1940, 271], понимая безуспешность своих призывов к Достоевскому вернуться к изящной эстетике и к правильной поэтике, в основе которой всегда лежал принцип “дважды два четыре”.

Поэтика Достоевского создается подобными коллизиями и ситуациями.

Достоевский любил парадоксы и доказательства от абсурда, или “приведение к абсурду” (*reductio ad absurdum*), полагал, что доведение мысли до абсурда выражает, говоря словами Страхова, “что-то другое”. Это те самые “обратные общие места”, обилие которых у Достоевского возмущало Тургенева, что и засвидетельствовал современник [Толстой 1956, 315–316].

Достоевский отрицал традиционную поэтику, которая основана на непреложности закона “дважды два четыре”. Дважды два пять – один из тех принципов его поэтики, который позволял ему выражать и доводить до читателя заветные идеи, в том числе возглашать осанну в горниле сомнений, утверждать вековечный идеал вопреки “математическим” опровержениям свободы, Бога, Христа.

ЛИТЕРАТУРА

- Волгин 1986 – *Волгин И.* Последний год Достоевского. Исторические записки. М.: Советский писатель, 1986. С. 176–186.
- Достоевский 1971 – Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. Т. 83. М.: Наука, 1971.
- Достоевский 2003–2005 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. в 18 т. М.: Воскресенье, 2003–2005. Т. I–XVIII.
- Захаров 1978 – *Захаров В.Н.* Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. С. 75–109.
- Розенблум 1971 – *Розенблум Л.М.* Творческие дневники Достоевского // Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради. 1860–1881 гг. Т. 83. М.: Наука, 1971. С. 16–23.
- Страхов 1876 – *Страхов Н.* Три письма о спиритизме. Письмо III. Границы возможного. // Гражданин. 1876. № 44. 22 ноября. С. 1056–1059.
- Страхов 1883 – *Страхов Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском / Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. I. Биография, письма и заметки из записной книжки, с портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб., 1883. С. 169–329.
- Страхов 1940 – Письма Н.Н. Страхова Ф.М. Достоевскому. Публикация А.С. Долинина / Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н.К. Пиксанова и О.В. Цехновицера. М.–Л.: Изд. АН СССР, 1940.
- Страхов 1973 – Н.Н. Страхов о Достоевском. Статьи, публикации и комментарии Л.Р. Ланского // Литературное наследство. Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. Т. 86. М.: Наука, 1973.
- Толстой – Страхов 2003 Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. I–II. Оттава–Москва, 2003.
- Толстой 1956 – *Толстой С.Л.* Очерки былого. М.: ГИХЛ, 1956.
- Топоров 1982 – *Топоров В.Н.* Еще раз об "умышленности" Достоевского / *Finitis duodecim lustris*: Сб. ст. к 60–летию проф. Ю.М. Лотмана. Таллинн, 1982.